

ЗМЕИНАЯ ПУСТОШЬ

СЕКРЕТ ПОДЗЕМЕЛЬЯ

ПОЛ СТЮАРТ
КРИС РИДДЕЛЛ

**Крис Ридделл
Пол Стюарт**

**Змеиная пустошь.
Секрет подземелья**

Серия «Змеиная пустошь», книга 2

Текст предоставлен правообладателем

<https://litres.ru/57481322>

П. Стюарт. К. Ридделл. Змеиная пустошь. Секрет подземелья: ООО

«Издательство АСТ»; Москва; 2020

ISBN 978-5-17-122159-1

Аннотация

<r>Лютая зима – не лучшее время, чтобы выйти на улицу. Даже змеи умирают, замерзая в ледяной пустоши, или обессиленно падают с небес, когда хозяин направляется на запад, чтобы спастись...</r> <r>Мика вынужден прятаться, и Фракция вместе с ним – хотя в душе она грезит небом и свободой.</r> <r>Но жуткий холод – не единственная причина для укрытия: кое-кто вынюхивает их местонахождение. Жестокий убийца, питающийся «кровавым медом» и ищущий мести...</r>

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	13
Глава третья	22
Глава четвёртая	29
Глава пятая	35
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Пол Стюарт, Крис Ридделл

Змеиная пустошь.

Секрет подземелья

Paul Stewart

Chris Riddell

Wurmeweald: Bloodhoney

© Paul Stewart and Chris Riddell, 2012

© Л. Смилевская, перевод на русский язык

© ООО «Издательство АСТ», 2020

* * *

Посвящается Ники и Ричарду
П. С.

Посвящается Джо
К. Р.

Змееловы – те, кто охотится на змеев.

Змеероды – те, кто связывает себя прочными узами со змеями.

Кельды – те, кто скрывается под землёй.

Глава первая

С дальней стороны хребта доносился глухой стук тяжёлых шагов – топ, топ. Заслышав их, два шустрозмея, суетливо сновавших туда-сюда, замерли. Свежевыпавший снег скрипел и хрустел под шагами. Они не стихали.

Они приближались...

Шустрозмеи поднялись на задние лапы, озираясь по сторонам; волнистые гребни на их спинах трепетали. Земля под ногами дрожала. Змеи переглянулись, и уже через мгновение с короткими лающими криками устремились к покрытой коркой снега скале и скрылись в расщелине.

Топот стал громче; казалось, даже ветер подстраивал свои завывания под его неумолимый ритм.

Когда ветер успокоился, шелест падающего снега резко стих. Наверху жёлто-серые тучи расползались, рассеивались, и сквозь них проглядывало бледное солнце. Бриллиантовыми искрами оно заиграло на редееющих снежинках, отбросило на сугробы длинные тени, но не согрело.

Из-за заснеженного хребта показалась голова в нахлобученном капюшоне, скрывавшем лицо; затем появились широкие плечи, на которых висел огромный рюкзак. При ходьбе полы белого плаща из кожи озёрного змея со скрипом распахивались и обнажали мощные, как стволы деревьев, ноги в тяжёлых высоких тупоносых ботинках, зашнурованных по-

чти до коленей.

Тот, кто призывает зиму, остановившись на вершине хребта, внимательно осматривал скалистый снежный пейзаж. Рука в перчатке вынырнула из складок плаща, отбросила капюшон, и холодный солнечный свет осветил скрывавшую лицо костяную маску, заблестел на пожелтевших скулах и глазницах, отражаясь в пронзительных чёрных глазах, глядевших из прорезей.

С резким фырканием нескладная фигура вытащила из заднего кармана кусок тряпки, с неожиданной осторожностью поднесла его к маске и, закрыв глаза, глубоко вдохнула.

Различить запах теперь было сложнее. Но он всё ещё чувствовался. Явственная смесь змеемасла и смолистого дыма с кисловатым привкусом страха и отвращения. Это был уникальный запах, ни с чем не сравнимый; он неминуемо должен был привести к цели.

– Найди их. Вымани их из убежища. Убей их... медленно.

Слова повелительницы кельдов эхом звучали в его голове. С тех пор, как он покинул подземную пещеру, где услышал эти слова, они гнали его через зимнюю пустошь и вели по следу убийц.

Тот, кто призывает зиму, отнял руки от лица, потянул носом воздух и снова фыркнул. Из костяных ноздрей клубами вырвался пар.

Он пошарил рукой в другом кармане, достал немного вяленого мяса, отправил в рот через прорезь в маске и стал ма-

шинально пережевывать. Вдруг на зубах что-то хрустнуло. Нащупав языком в мясной кашнице какой-то твёрдый предмет, он выплюнул его.

Это был молочный зуб, ровный и жемчужно-белый. Всего мгновение он пролежал на поверхности, но быстро скрылся под пеленой свежего снега.

Тот, кто призывает зиму, натянул на голову капюшон и устремился вперёд. В воздухе снова задрожали гулкие барабанные удары его тяжёлых шагов.

Он увидел их, поднявшись на вершину следующего хребта. Он не остановился и не сбавил шаг. Их было двое, один повыше ростом, другой пониже. Коричневые силуэты отчётливо вырисовывались на фоне снежной белизны. Они стояли возле покосившегося навеса со сломанными подпорками. Тут и они заметили его.

Тот, что был ниже, помахал.

Это не его цель, он знал точно. От них исходил запах влажной оленьей кожи и чего-то металлического. А когда коротышка замахал руками ещё энергичнее, тот, кто призывает зиму, уловил в доносившемся запахе легкий нюанс пахты. Запах змеелова.

Мужчина и девочка...

Они направились к нему. Девочка шла впереди, быстро пробираясь по сугробам и удерживая свой посох над головой. Мужчина едва поспевал за ней, покрикивая, чтоб она была осторожнее и проверяла посохом, нет ли под снегом

трещин и расщелин, – хотя сам не следовал своему совету. Оба они широко улыбались, их измождённые лица покраснелись.

Они приближались, щебетание их возбуждённых голосов становилось всё настойчивее. Добравшись до того, кто призывает зиму, мужчина протянул ему руку.

– Приветствую вас, незнакомец, – сказал он. – Вы не представляете, как я рад нашей встрече.

Тот, кто призывает зиму, уставился на мужчину из-под нависшего капюшона. Он заметил неухоженную бороду, сломанный арбалет, висевший на плече, искру, притаившуюся в глубине глаз. Тот, кто призывает зиму, не проронил ни слова в ответ, даже не пошевелился, чтобы пожать протянутую руку.

Мужчина смущённо отстранился и стряхнул снежинки с бороды.

– Как я уже сказал, я... Какая же удача, что наши с вами пути пересеклись, – настаивал он, но голос звучал как-то неуверенно.

– Мы отстали от каравана, – вмешалась девочка. – Мы с папой. У меня так разболелся живот от того плохого мяса...

– Снег валил не переставая, – продолжил мужчина и покачал головой. – А зимняя стоянка там, за горой. Ветер сломал наше временное укрытие, – он кивнул на хлопающий навес из змеиной шкуры и расколотое дерево, – и запасы еды у нас на исходе... – Тут он бросил взгляд на раздутый рюкзак на

плечах незнакомца. – Быть может, у вас найдётся что-нибудь для обмена, друг мой? Что-то, чем вы могли бы поделиться со мной и моей маленькой девочкой?..

Фигура фыркнула, будто бы в ответ, и отбросила назад полы своего блестящего серого плаща. Огромные руки в перчатках вытянулись вперёд и осторожно сжали голову мужчины. Тот смотрел на незнакомца, настороженно улыбаясь, и боялся отреагировать неправильно на это странное приветствие. Дочь, стоявшая рядом, в смятении отступила назад.

– Папочка? – сказала она тихо.

– Всё хорошо, ангелочек, – ответил мужчина. – Он не причинит мне никакого вреда, правда ведь?

Тот, кто призывает зиму, не проронил ни звука, лишь постепенно усиливал давление на голову мужчины, будто проверял фрукт на спелость.

– Отпусти его! – закричала девочка, охваченная ужасом: глаза её отца вылезли из орбит и налились кровью. – *Отпусти!*

Тот, кто призывает зиму, лёгким движением плеча отбросил её в сторону, и она растянулась на снегу. В это мгновение капюшон упал с его головы; девочка подняла глаза и ахнула при виде костяной маски.

– Папочка! Папочка!..

Раздался треск. Между пальцами в кожаных перчатках стала просачиваться кровь. Красные капли падали на белый снег и становились розовыми, будто лепестки цветущей

вишни. На них с глухим стуком рухнуло безжизненное тело.

Незнакомец повернулся к девочке; она задрожала под бесстрастным взглядом его сверкающих чёрных глаз в прорезях костяной маски. Девочка медленно, с трудом отползала назад, силясь встать на ноги, но не могла: гладкие подошвы её стоптанных ботинок скользили по снегу.

Она просила и умоляла незнакомца пощадить её. Голос, полный страдания, звучал то громче, то тише, слова потоком срывались со слюнявых губ.

Чик-чик. Чик-чирик.

Тот, кто призывает зиму, стоял неподвижно.

Он знал: повелительница кельдов и её товарищи наверняка не отказались бы от такой девчонки. Хоть она и была мала, но казалась сильной, а Резак Дэниел обожал длинные косы. Из неё вышла бы отличная рабыня. Но сейчас у него было другое дело. Всего-навсего одна цель. Он понимал: если взять девчонку с собой, то она будет ему лишь помехой, а если связать и оставить здесь, пока не сделает дело, то до его возвращения она умрёт, и тогда от неё не будет никакого толку.

Он наклонился, схватил девчонку и поднял. Чириканье стало ещё громче, противнее и визгливее, и ему уже казалось, что она щебечет прямо у него в голове.

Чик-чик. Чик-чирик.

Он принялся трясти девчонку, сжимая руками в перчатках её костлявые плечи; тряс и тряс до тех пор, пока она не

обмякла и не замолчала. Голова на сломанной шее откинулась назад.

Тот, кто призывает зиму, ослабил хватку, и девчонка мешком рухнула к его ногам. Он перешагнул через тело и продолжил подниматься по склону горы.

Слова повелительницы кельдов снова зазвучали у него в голове.

– Найди их. Вымани их из убежища. Убей их... медленно.

Из расщелины в скале позади него сначала показалась парочка шустрозмеев, а за ними – ещё с полдюжины змеев. Они засеменили по снегу, который уже начал схватываться ледяной коркой. Змеев манил запах крови. С жадным любопытством они изучали тела, а затем вонзили свои клыки в ещё тёплую плоть. Если они хотели вдоволь насладиться этим неожиданным угощением до появления змеев-падальщиков, им нужно было поторопиться.

Глава вторая

– Загадывай желание, Фракия. – Мика вытер губы тыльной стороной ладони и протянул девушке кость-вилочку.

В дальнем углу пещеры Илай Винтер громыхал котелками и сковородками, надраивая их песком и отмывая в кадке с водой. Скалолаз терпеть не мог дурацкие суеверия, и Мика надеялся, что тот его не услышит – ну, или хотя бы не станет вмешиваться.

– Фракия? – настаивал Мика. – Будешь загадывать желание?

Девушка-змеерод даже не пошевелилась. Она уставилась в деревянную миску, которую держала на коленях. Мика хмуро глядел на неё.

Зимнее укрытие, в которое привёл их Илай, оказалось намного просторнее, чем Мика представлял. Кроме той комнаты с вяленным мясом, свисающим с низкого потолка, – заставленной ящиками, мешками и бочками, – здесь было ещё три смежных комнаты.

Первая из них была просторной, хорошо освещённой и проветриваемой, с высоким потолком, так что даже Илаю не приходилось наклоняться. Пол был устлан толстым слоем змеиных шкур: они согревали холодный, твёрдый каменный пол и делали его мягче; их не было только в самом центре, где в большом углублении разводили костёр для пригото-

ления пищи. Илай соорудил над ним что-то вроде дымохода. Сбитая из слегка проржавевшего металла воронка сужалась до длинной трубы, которая вела к отверстию в потолке пещеры: через неё уходил дым. Вторая комната была продолговатой и узкой, с углублениями в полу, устланными тряпками и соломенными матрасами, – там они спали. В торцевой стене было клинообразное отверстие, служившее природной вентиляцией. Последняя комната была самой маленькой и служила отхожим местом – в углу была вырыта яма, а рядом насыпана большая куча песка.

На равнинах, где рос Мика, они жили впятером в тесной лачуге. По сравнению с ней зимнее укрытие казалось просторным, и, как бы снаружи ни завывал ветер, внутри было уютно. По крайней мере, Мике.

А вот Фракия с ним не соглашалась. Не могла. Это место для неё было тюрьмой; она вяло расхаживала взад-вперёд, как змей в клетке, неспособная сбежать, неспособная взлететь...

– Фракия? – тихо шепнул Мика.

На сей раз девушка-змеерод подняла на него глаза. Она была красива; дух захватывало, как красива, с этими пепельно-золотистыми волосами и тёмно-серыми глазами. Но и при тусклом свете лампы Мика видел, как она похудела. Даже слишком. Её лицо было светом и тенью выпирающих скул и впалых щёк, а костюм из душекожи, который раньше облегал её тело, теперь висел словно обноски, доставшиеся

от старшей сестры.

– Желание, Фракия, – повторил Мика.

Он протянул ей косточку. Фракия уставилась на него отсутствующим взглядом.

Это из-за того, думал Мика, что Фракия недоедает. Судя по песочным часам, они с Илаем без малого три часа строга-ли сушёные корни и маринованные овощи, нарезали вяленое мясо сквобозмея, варили из всего этого густое жаркое, которое, можно было признать без лишнего хвастовства, получилось чертовски вкусным. Фракия, однако, почти не при-тонулась к нему.

– Голод – да, – сказала она, когда Мика уговаривал её по-есть. – А вот аппетита нет, – с этими словами она отодвинула от себя миску.

Мика не отрываясь смотрел ей в глаза. Когда-то они свер-кали, аспидно-серые и глубокие, как озеро. А теперь? Буд-то бы жизнь покинула их, оставив лишь два унылых серых камня...

Вдруг Мика заметил, что взгляд Фракии больше не устремлён на кость-вилочку; она смотрела в упор на него. Он сглотнул и улыбнулся ей.

– Потяни за вилочку, Фракия, – подбадривал он её. – Вдруг сбудется?

– Моё желание? – вяло протянула Фракия и пожала пле-чами. – Может, для тебя будет лучше, если оно не сбудется.

Мика поёжился – холодные мурашки пробежали по шее

и голове. Он снова сглотнул, всё ещё надеясь, что скалолаз не слышит их.

– Это глупо, Фракия, и ты сама это знаешь, – сказал он.
– Чего бы ты ни пожелала для себя, я всегда тебя поддержу.
– Он снова улыбнулся, наклонился вперёд и взял её за запястье. – Больше всего на свете я хочу, чтобы ты была счастлива.

Мика поднял её руку, поднёс к губам и хотел поцеловать, но Фракия вырвала руку. Мика испугался, не разозлил ли он её – он терпеть этого не мог, – но когда девушка отвела взгляд, он увидел в её пустых серых глазах вовсе не гнев, а глубокую неутешную печаль.

Мике было горько.

– Фракия... – начал было он.

Но девушка-змеерод поднялась и с миской жаркого, к которому так и не притронулась, направилась в спальню.

– Я могу разогреть его, – предложил Мика, вскакивая с пола.

– Это вовсе не обязательно, – с этими словами Фракия скрылась в соседней комнате.

Мика со вздохом опустился обратно за стол. Он так надеялся, что, спрятавшись от всех в подземном укрытии на долгие месяцы зимы, они найдут утешение в компании друг друга! Но вышло совсем иначе. Несмотря на физическую близость, Фракия была как никогда далека от него.

О, она любила его, по-своему, как могла, Мика знал это.

Но что касается утешения... Казалось, она просто не позволяла себе утешиться. Хуже того, Мика ничего не мог с этим поделать.

Он уставился на кость-вилочку от копчёной туши скво-бозмея, которую сохранил специально. Широкая, изящная, она была раза в три крупнее индюшачьей.

– Илай, – сказал Мика, подняв глаза, – не могли бы вы потянуть за другой конец косточки? У меня есть желание для Фракии, и я очень хочу, чтобы оно сбылось.

– Нельзя загадывать желания за другого, – прозвучал грубоватый ответ скалолаза. – К тому же, – добавил Илай, – кости змеев слишком крепкие, их так просто не разломать.

Илай даже не обернулся. Да и ни к чему было. Мика понял, что тот всё же слышал весь их с Фракией разговор, и покраснел от смущения.

– Когда закончишь, принеси мне грязную посуду, – сказал Илай.

Мика наблюдал, как изгибалась и напрягалась спина Илая, пока он отскабливал пригоревший жир со сковороды. Время в зимнем укрытии заполнялось мелкими рутинными делами – мытьём посуды, натачиванием ножей и прочим в таком духе. Это и были повседневные занятия Илая. Когда он ничего не чистил и не ремонтировал, то чаще всего пропадавал в кладовой, тщательно перебирая провизию и прикидывая, что из еды приготовить в следующий раз.

Тихонько вздохнув, Мика собрал деревянные миски,

кружки и ложки, кувшин из-под ликёра и большое блюдо, в котором было подслащённое мёдом ячменное пюре, сложил всё в стопку, сверху пристроил кость-вилочку и отнёс Илаю.

– Поставь вон там, парень, – кивнул скалолаз в сторону плоской каменной плиты; его взгляд упал на вилочку. – Желания, – фыркнул он. – Ты слишком взрослый для такой чепухи, Мика, – заметил Илай. – Кроме того, из этой кости можно сделать кое-что полезное.

Мика нахмурился. Он взял кость и повертел её в руках.

– Интересно, что?

– Присмотрись, – сказал Илай, вытирая мокрые руки о штаны и поворачиваясь к Мике. – Разве её форма тебе ничего не напоминает?

Мика пожал плечами. Илай забрал у него вилочку и, держа её в одной руке, другой погладил неровную поверхность.

– Видишь ли, Мика, – сказал он, – в отличие от нас с тобой, да и от любого другого человека, у змеев сросшиеся ключицы, – он осторожно провёл пальцем по каждой изогнутой части косточки и задержался на верхушке, в которой они соединялись, – как у птиц. Такое строение укрепляет их. И позволяет летать.

Илай взял кость за сросшийся конец и перевернул изогнутыми отростками вверх. Скалолаз вопросительно взглянул на Мику своими бледно-голубыми глазами, и его губы изогнулись в лёгкой улыбке.

– А сейчас ничего не напоминает?

Мика нахмурился.

– Букву «у»? – предположил он.

Илай взял кость в левую руку, а правой сделал движение, как будто оттягивал тетиву.

– Рогатка! – воскликнул Мика.

– Хвала Создателю, – улыбнулся Илай. – Твоя голова всё-таки варит. Клянусь, я уж было начал в этом сомневаться! – Он важно кивнул. – Но в конце концов ты догадался, парень. Рогатка.

Илай поднял кость-вилочку, и Мика по-новому взглянул на неё горящими глазами.

– Тут у тебя каркас, – объяснял скалолаз. – Нужно ещё немного кожи покрепче, толстый шпагат и пару кусков эластичной кожи – и ты получишь орудие, которое сразит наповал кого угодно с расстояния в сто шагов. – Он улыбнулся. – Если когда-нибудь понадобится...

Он вручил кость Мике, который поднял её перед собой, закрыл один глаз, согнутыми пальцами медленно оттянул воображаемую тетиву и отпустил её.

– *Буф*, – пробормотал он и взглянул на Илая. – Думаешь, получится?

– Перво-наперво, парень, её надо сделать. – Илай повернулся и кивнул в сторону кладовой. – Всё нужное ты найдёшь в старом сундуке в углу. Наберёшь подходящие материалы – неси, я посмотрю и скажу, с чего тебе начать, – улыбнулся он. – Если повезёт, как минимум на пару дней у тебя

будет толковое занятие.

Мика рассмеялся. Делать рогатку было явно интереснее, чем возиться по хозяйству.

Он направился к кладовой; проходя через спальню, он пригнулся, чтобы не удариться головой о низкий потолок. И остановился. Фракия, сидя на краю своего матраса, кормила кусками тушёного мяса мандрозмея, который устроился у неё на плече. Над ней на выступе скалы висела деревянная клетка; решётчатая дверца клетки была открыта.

Илай объяснял им обоим, как важен для них этот мандрозмей. Если вдруг вентиляционное отверстие или труба над костром засорятся и воздух наполнится угарным газом, то задолго до того, как кто-нибудь из них троих среагирует, чувствительное существо погибнет – и даст им время всё исправить; иначе они сами надышатся и умрут. Мика тяжело вздохнул. Им нельзя было потерять этого змея; но то был уже не первый раз, когда Фракия выпускала его из клетки.

Девушка-змеерод скучала по Асилю, своему белозмею, скучала мучительно, и Мике было больно смотреть на это. Но белозмей оставил Фракию, когда увидел их с Микой лежащими на берегу озера в те последние дни середины зимы. Теперь, запертая в этой пещере на всю настоящую зиму, прячась от лютого, жгучего мороза и смертоносных снежных бурь, Фракия берегла это крошечное запертое в клетке существо как единственное, что у неё осталось. Мика это знал.

– Ну и как ему ужин? – спросил он мягко.

Фракия оторвала очередной кусок жилистого мяса и протянула змею. Тот вырвал угощение из её пальцев и проглотил целиком.

– Похоже, ему вкусно, – Мика сам ответил на свой вопрос и помолчал. – И хорошо... – Он снова замолк, глядя на выпущенного из клетки мандрозмея; он никак не мог выдавить из себя слова предостережения, которые, как он знал, обязан был произнести.

Но Фракия и сама догадалась. Она обернулась и взглянула на него.

– Знаю, знаю, – сказала она; её тусклые глаза смотрели угрюмо. – Но держать его взаперти целыми днями – это так жестоко.

Она протянула руку и почесала мандрозмея под подбородком. Медленно кивнув, она заговорила снова, и голос её, чуть громче шёпота, звучал мягко и успокаивающе.

– Никому не пожелаю такой участи, – говорила она крошечному змею. – Ни одному живому существу, ни одному человеку...

Глава третья

Мика распахнул глаза. Что-то его разбудило...

Он осматривал спальню, хотя знал, что это совершенно бесполезно. Лампы в зимнем укрытии не горели, помещение заполняла непроглядная тьма. Крошечные белые точки, похожие на блестящие пылинки, танцевали в воздухе, пока глаза Мики старательно пытались привыкнуть к темноте, но не могли.

Он прислушался к ветру, который прочёсывал горные вершины и склоны; дикий и безжалостный, он попадал в ловушки трещин и расщелин, где завывал и стонал, как неведомое безумное существо. Но к этому шуму Мика уже привык – и проснулся не от него.

Мика натянул на себя одеяло, откинулся спиной на матрас и положил руки под голову. Он уставился в пустоту, туда, где должен был находиться низкий потолок, и задумался: интересно, идёт ли там, снаружи, снег? Взошла ли луна, полная или ещё только месяц в форме серпа, а может, сегодня она спряталась за облаками – да и вообще, ночь ли на дворе? Для них с Илаем и Фракией ночь пришла только потому, что в зимнем укрытии не было света; а вдруг снаружи сейчас всю светит солнце?

Здесь, в укрытии, скалолаз отсчитывал для них часы дня и ночи с неукоснительной чёткостью, и лампы зажигались и

гасли только по его команде. Именно он переворачивал часы каждый раз, когда песок перетекал из верхней колбы в нижнюю; он вёл счёт дням, складывающимся в недели, нанося на стену отметки специально припасённым для этого коротким угольком.

Будто сам Создатель, Илай даровал им день и ночь, думал Мика, как и сильнодействующий ликёр, который размывал для них время и делал их подземную жизнь настолько сносной, насколько это вообще было возможно.

Нужно отдать ему должное, думал Мика; бывалый скалолаз, казалось, позаботился обо всём. Зимнее укрытие было отлично спрятано от посторонних глаз, и в нём был такой запас провизии, которого хватит на всю зиму. Из поросшей мхом трещины в пещеру текла струйка воды, которая скапливалась в небольшом углублении в одной из ниш большой комнаты, и как бы ни опустилась температура за пределами пещеры, она никогда не замерзала – то ли из-за глубокого нагрева, то ли ещё из-за чего-то. У них был хворост, чтобы развести огонь, а зигзагообразные трещины в скале не только вытягивали дым из пещеры, но и выводили его на безопасное расстояние – на склон горы, высоко, возле дымящегося жерла, так что никто – ни друг, ни враг – не смог бы отличить одно от другого.

Мика закрыл глаза. Его снова клонило в сон.

Но тут откуда-то из темноты донёсся звук. Мика замер; сон как рукой сняло.

Это был шёпот – тихий, но настойчивый, звучный, как раскаты далёкого грома, нежный, как стук дождя, и пронзительный, как завывание ветра.

– Фракия? – Мика пошарил рукой по соседнему матрасу и обнаружил, что там никого нет. – Фракия?

Девушка-змеерод не отзывалась, но стук дождя и шёпот ветра, будто бы в ответ, стали громче.

Мика приподнялся на локтях. Он склонил голову, пытаюсь определить, с какой стороны доносятся звуки. То они, казалось, раздавались где-то справа от него, через мгновение – уже слева, а ещё через секунду – прямо у него над головой, и когда воздух пахнул ему в лицо, Мика прикрылся руками.

Шёпот становился всё громче, подражая свисту ветра и стуку дождя, и нарастал, как надвигающаяся буря. И тут из темноты раздался долгий крик: он зародился грохочущим рокотом где-то в глубине горла и превратился в шипящий выдох.

– *А-а-а... си-и-иль...*

Мика сел ровно, в животе у него всё сжалось. Девушка-змеерод разговаривала во сне. Но не на том языке, который он, Мика, мог понять, а на том, каким владели белозмеи – какому научил её Асиль.

– *А-а-а... си-и-иль. А-а-а... си-и-иль.*

Она повторяла это имя с тоской в голосе. Теперь звук приблизился, и Мика шарил руками в темноте, пытаюсь определить, где стояла Фракия.

– А-а-а... с...

Голос девушки-змеерода резко оборвался. Звуки ветра и дождя стихли. Мика напрягал слух, чтобы уловить её, но единственное, что он мог различить, – это движение человека, старающегося не издать ни звука. В следующую секунду юноша ощутил острую колющую боль в груди.

– А-а-ай! – вскрикнул Мика и упал на матрас.

Он чувствовал, что над ним кто-то нависает; пока он, дрожа, лежал на спине, кто-то сел на него верхом. Боль снова пронзила его грудь: что-то острое прижалось к ней прямо над колотящимся сердцем. Дрожащими руками Мика схватился за толстый штырь, который упирался ему в грудь, и попытался оттолкнуть его; но сверху на него давили, мощно и непреклонно.

– Фракия... Илай. Илай!*Илай!* – кричал он скалолазу, который, чтобы оставить Мику и Фракию наедине, ушёл спать в большую комнату.

Воздух резко наполнился золотисто-медовым светом; Мика повернул голову и увидел стоящего у входа в спальню скалолаза с лампой в руке.

– Не буди её, – прошипел Илай. – Только не буди её, Мика...

Юноша поднял глаза на девушку-змеерода, нависшую над ним: она обеими руками сжимала рукоять метлы и продолжала давить. Казалось, Фракия не спит: она прикусила нижнюю губу, глаза её сузились в холодной сосредоточенности.

Через секунду Илай уже стоял возле неё. Он поставил лампу на пол и взял девушку за плечо, шепча успокаивающие слова.

Фракия вздрогнула, и Мике пришлось сдерживать крик, когда кончик рукояти метлы больно царапнул ему рёбра. Боль вдруг затихла: Илай медленно и уверенно вытащил метлу из рук девушки.

– Сюда... Вот сюда... – успокаивал Илай девушку, отводя её от матраса Мики к её собственному. – Сюда, Фракия...

Мика снова сел и теперь наблюдал за каждым их движением, пока Илай, одной рукой подхватив девушку под локоть, а другой поддерживая за спину, мягко опускал Фракию на матрас. Её голова склонилась набок, и на краткое мгновение Мика поймал её взгляд: свирепый, прекрасный, но растерянный и отсутствующий.

– Она спит, – прошептал Илай.

Мика неуверенно кивнул, потом сглотнул. Продолжая наблюдать за девушкой, он заметил, как её веки, казалось, потяжелели, а суровое выражение исчезло с лица. Она закрыла глаза. Мика снова сглотнул и взглянул на Илая.

– Она и впрямь меня так ненавидит? – прошептал он.

Илай нагнулся забрать лампу и импровизированное копьё.

– Она тебя вовсе не ненавидит, парень, – ответил скалолаз.

Мика пожал плечами.

– Вы уверены? – юноша разглядывал расцветающий синяк у себя на груди.

Илай присел на корточки рядом с ним. Взглянул на Фракию – её дыхание снова стало глубоким и ровным, – а затем повернулся к Мике.

– Ты должен понимать, парень, как Фракии нелегко. Её тревога куда глубже, чем кажется, но в этом она вряд ли признается тебе или мне – даже себе самой, – покачал головой скалолаз. – Когда она спит, она снова с ним, слушает его слова, откликается на его зов. Как я уже говорил, Мика, узы родства нельзя разорвать...

– Но... Но ведь Асиль ушёл, – сказал Мика. – Он покинул её. Бросил...

– И, может, они никогда больше не увидят друг друга, – кивнул Илай. – Но вот что я скажу тебе, – добавил он, положив ладонь на руку Мики. – И ты хорошенько запомни: Асиль будет жить у неё внутри до последнего её вздоха, и ни ты, ни я, никто другой ничего не сможем с этим поделать. Просто смирись с этим. – Илай похлопал Мику по руке и привстал. – А теперь спи до ут... – Он осёкся и на его щетинистом лице появилась ухмылка. – До тех пор, пока я не скажу, что настало утро.

Поднявшись на ноги, Илай переложил лампу из левой руки в правую и скрылся в соседней комнате. Мика смотрел ему вслед, затем обернулся и взглянул на Фракию. Она всё ещё спала, её губы были приоткрыты, а тёмные веки плот-

но сжаты. Мика услышал тихий стук из соседней комнаты, громкий выдох – и свет погас.

Мика вздохнул и снова улёгся. Он приложил руку к груди; пальцы осторожно ощупывали синяк. Немного больно, но ничего серьёзного. А вот мучительная боль в сердце была совсем иной. Мика боялся, что она не пройдёт никогда.

Глава четвёртая

Тот, кто призывает зиму, наклонился, и полы его плаща из кожи озёрного змея захлопали. Он пробирался через сугробы, его скрипучее дыхание, забитое мокротой, вырывалось струями сероватого пара. Порывы ледяного ветра то и дело срывали капюшон и обнажали скрытую под ним костяную маску, покрытую инеем; сосульки из застывшей слюны блестя по краям прорези для рта, как короткие клыки.

Зимний глашатай поднялся на гору и нашёл себе временное убежище в защищённой от ветра лощине. Небо светлело. Он осмотрелся. Глубокие следы, которые он оставил на снегу, уже заполнились снегом, и ничто больше не указывало на его присутствие.

Глашатай запустил руку в складки плаща, достал продолговатую флягу, сделанную из бедренной кости, вытащил пробку и поднёс к губам.

Он сделал глоток сладкой жидкости ржавого цвета. Жгучая, как огонь, она пронзила его тело, притупляя чувствительность к боли, изгоняя усталость и все эмоции. Страх, сомнения. Жалость. В его одурманенном мозгу оставался лишь голос повелительницы кельдов – только он и обострившиеся обоняние и слух.

Она отлично обучила его, своего любимого раба. Купленный молодым и невинным за горстку драгоценных камней,

он ещё тогда проявлял признаки несгибаемого духа и недюжинной силы – качеств, укрощённых регулярными побоями и дозами кровавого мёда, при помощи которых повелительница кельдов подчинила его своей непреклонной воле.

Тот, кто призывает зиму, закрыл флягу и спрятал её во внутренний карман под складками белого плаща. Он снова отправился в путь. Небо над головой становилось всё светлее, снежная буря немного утихла, и далеко впереди он заметил дымящуюся горную вершину. Довольный, что не сбился с курса, он усмехнулся.

К тому времени, когда тот, кто призывает зиму, достиг высоких вершин, короткий день уже близился к концу. Дым поднимался желтоватой пеленой; он сочился не из одного лишь отверстия, а из множества трещин, которыми была усыпана вершина. Здесь, где жар от раскалённой породы растапливал снег, не давая ему лечь, вершина горы представляла собой влажный камень, усыпанный гравием, который хрустел под ногами.

Семейство гнездомеев, сбившееся в кучу, чтобы согреться в своём каменном гнезде, настороженно глядело на приближающегося чужака.

Нескладная фигура снова остановилась, стряхнула снег с капюшона и плеч и принялась рассматривать горизонт. Потом незнакомец вытащил из кармана тряпку и глубоко вдохнул её запах, затем понюхал воздух, потом снова тряпку...

Близко. Его цель была совсем близко, он в этом не сомне-

вался.

Он повернулся и стал расхаживать по скале, будто бы бесцельно, склонив голову и стреляя глазами. Он пинал ногой камни, они разлетались и, кувыркаясь, с грохотом падали в узкие отверстия; тот, кто призывает зиму, прислушивался и принюхивался к дыму, струящемуся из горячих щелей.

Потревоженные гнездозмеи визжали и кудахтали. Всего он насчитал восемь. Там было два взрослых змея, размером с индюков, выделявшихся ярким окрасом на фоне тёмных камней, и полдюжины детёнышей, пока не летающих, но почти таких же крупных, ещё не сбросивших свою первую, серую кожу. Взрослые выпячивали жёлтую грудь, хлопали красно-синими крыльями, размахивали бахромчатыми хвостами и угрожающе визжали; их гребни топорщились, чешуя у шеи вздыбилась. Серые малыши широко распахивали челюсти и недовольно шипели.

Тот, кто призывает зиму, потеряв к ним интерес, продолжал расхаживать туда-сюда, принюхиваясь к дыму и глубоко дыша.

Почти везде дым был едкий. Пахло серой, тухлыми яйцами и раскалённым металлом. Везде, кроме одного отверстия...

Принюхавшись к сероватому дыму, он узнал запах полыни. Сосны болотной. Гикори. Тот, кто призывает зиму, знал: это растопка и дрова, которые чаще всего используют змееловы, – и от предвкушения у него даже потекли слюнки. Он

снова вдохнул, дотронулся кончиком языка до зубов и ощутил запах змеемасла и смолы...

Не в силах терпеть незнакомца в своих владениях ни минуты дольше, взрослые гнездозмеи яркой разноцветной вспышкой поднялись в воздух, яростно визжа. Разинув пасти и обнажив клыки, они набросились на одетого в змеешкуру пришельца, который напугал их детёнышей.

Тот, кто призывает зиму, оглянулся на их гомон. Он вытянул руку и ударил змея, который оказался ближе, с такой силой, что тот камнем рухнул на землю; тяжёлый ботинок тут же раздавил ему голову. Второй змей взвизгнул и развернулся в воздухе, но слишком поздно. С хриплым рыком и удивительной ловкостью тот, кто призывает зиму, выбросил руку вверх и схватил существо за красно-синее крыло. Он раскрутил его над головой – круг, ещё круг, – а затем отбросил на камни.

Шипение детёнышей переросло в громкий визг. Они заметались, захлопали крыльями в безуспешных попытках взлететь и высыпали из каменной ограды, окружавшей их гнездо. Когда над ними нависла тёмная тень, они, сбившись в одно несуразное многоголовое чудовище, заскрежетали и защёлкали челюстями.

Пронзительный визг переполнял голову того, кто призывает зиму, и глаза под костяной маской сузились; он схватил одного из детёнышей и, будто отжимая мокрую тряпку, свернул ему шею. Послышался треск позвонков, змеёныш

обмяк и был отброшен в сторону; тот, кто призывает зиму, потянулся ко второму существу, затем к третьему, – и так до тех пор, пока не передошил всех гнездомеев, бросая их тушки себе под ноги.

Он встал на колени возле отверстия, из которого пахло дымом от полыни и гикори, и опустил в него руку в перчатке. Это было похоже на дымоход.

Каменные стенки были гладкими, без трещин, и чем ниже он погружал руку, тем уже становилось отверстие. Тот, кто призывает зиму, почувствовал, как похожее на трубу отверстие изгибается, и мысленно отметил для себя угол и направление. Затем, поднявшись, он дотянулся до туши самца гнездомея и втиснул её в отверстие, заткнув его. Сверху он уложил и тушу самки.

Тот, кто призывает зиму, любовался своей работой, усевшись на корточки. Отверстие было почти перекрыто, но дым всё ещё просачивался тонкой струйкой между тушами гнездомеев.

Тот, кто призывает зиму, осмотрелся. Его взгляд упал на груды мёртвых змеёнышей. Он брал их по одному и тёплыми гибкими тельцами затыкал все щели, пока запах горящего дерева не исчез, а дым не перестал струиться.

Тот, кто призывает зиму, поднялся на ноги.

Там, где был дымоход, должен был располагаться надёжный, скрытый от посторонних глаз очаг, согревающий сгрудившихся вокруг него, ничего не подозревающих спящих

людей, которые переживают зиму в своём укрытии. Судя по углу дымохода, оно находилось где-то на другой стороне горы.

Где-то рядом.

Глава пятая

Услышав скрежет камня о камень, Мика поднял голову. Порыв ледяного ветра обжёг лицо, голые руки от холода сразу покрылись гусиной кожей. Глотнув морозного свежего воздуха, он вдруг понял, насколько душным и спёртым был воздух у них в укрытии.

Мика сидел на своём матрасе, поджав под себя ноги и обложившись инструментами для работы по дереву, обрывками кожи, катушками верёвки и кишечной нити. В одной руке юноша держал квадратный кусок кожи озёрного змея, а в другой – свой нож, которым вырезал в коже два небольших отверстия. Рогатка, над которой он корпел, лежала у него на коленях.

Снова послышался скрежет. Мика наклонился, заглянул в низкое отверстие, ведущее из спальни в кладовку, и увидел, как Илай задвигает на место каменную плиту, закрывающую вход в зимнее укрытие.

Мика отложил рогатку, поднялся на ноги и через узкую щель проскользнул в соседнюю комнату.

– И как там, Илай? – спросил он.

– Холодно, – ответил скалолаз, стряхнув с плеч снег и сбросив капюшон.

Капли воды блестели у него на волосах, бровях и даже на кончике носа. Пару раз он энергично обхватил себя руками

и похлопал по плечам. Потом снял перчатки, куртку, шарф, шляпу и повесил всё возле входа.

– Холодно, как никогда. И метель.

Мика кивнул. Если бы не холод и метель, Илай ни за что не вышел бы наружу: только в такое ненастье он мог решиться покинуть укрытие. Сильный снегопад уменьшал риск быть замеченным и в мгновение ока заметал следы.

– Если мы не хотим, чтобы нас нашли, у входа не должно быть никаких следов, – объяснил Илай, когда Мика первый раз спросил его, почему он именно в такую погоду покидает укрытие. – Оставить следы – это всё равно, что постелить у входа коврик с надписью «Добро пожаловать».

Конечно, лучше всего им было бы и вовсе носа наружу не высовывать. Но это было невозможно, иначе пещера превратилась бы в одну большую сточную канаву. За две-три недели даже при экономном расходовании песка и соли, неглубокая яма в углу маленькой комнаты переполнялась и начинала смердеть. Примерно раз в четыре недели, когда снаружи бушевала самая лютая непогода, Илай и Мика сгребали содержимое ямы в ведро; скалолаз уносил его как можно дальше от пещеры и вываливал в глубокий снег.

– Вы что-нибудь... видели? – спросила Фракия.

Она стояла у входа – как и всегда, когда Илай уходил. Каждый раз, когда каменная плита отодвигалась, она оставалась караулить, осторожно высовывая голову наружу и нетерпеливо оглядывая небо, пока Илай не возвращался и не закры-

вал за собой каменную дверь. Она ждала его возле входа, обхватив себя руками, стуча зубами от холода и опустив глаза в пол.

Порой Мика думал, что, несмотря на вечные разочарования, Фракия жила этими мгновениями, надеясь на чудо – что в следующий раз всё будет по-другому. Когда каменная плита отодвинулась, девушка снова не увидела того, чего искала; но оставалась надежда, что видел Илай.

Однако он ничего не видел.

– Никого и ничего, – сказал он ей, качая головой. – И, думаю, ещё долго не увижу. Зима свирепствует. Ветер поменял направление, и снег валит стеной. Если так продолжится, то завтра примерно к этому времени нас заметёт, и мы окажемся глубоко под снегом.

Девушка-змеерод отвернулась.

Лицо Илая выражало беспокойство.

– Кружка чая из тысячелистника была бы мне сейчас очень кстати, Фракия, – сказал он.

Но Фракия, казалось, не слышала его.

– Я могу заварить, – предложил Мика.

Илай пожал плечами.

– Я просто пытался её чем-нибудь занять, – тихо сказал он Мике. – Так-то я и сам могу сделать себе кружку чая. Ты будешь, парень?

– Конечно, – кивнул Мика.

Илай налил в медный котелок воды, поставил на огонь

и раздувал костёр до тех пор, пока языки пламени не растеклись по закопчённому дну котелка. Скалолаз обернулся к Мике.

– Как успехи с рогаткой?

– Работа продвигается, но медленно, – ответил Мика. – Я не тороплюсь, Илай. Как вы и советовали.

– Хорошо, когда есть на что отвлечься, – заметил Илай, бросив взгляд на вход в узкую спальню, где уединилась Фракция. – Особенно сейчас, когда мы тут взаперти до самой оттепели.

Сборка рогатки оказалась именно таким трудоёмким делом, как и рассчитывал Илай, и Мика даже был рад, что ему есть чем себя занять в узком мирке однообразной жизни в зимнем укрытии.

В первый день Мика шлифовал кость, обтачивал грубые края и все неровности. На второй день он вырезал ручку и прodelывал в верхушках ответвлений У-образной кости отверстия, чтобы натянуть тетиву. На третий день, пока кость закалялась в горячем пепле, Мика занимался остальными необходимыми заготовками. Он проверял на эластичность хранившиеся у Илая разные виды кожи – для тетивы больше всего подошла шкура туманозмея, мягкая и легко тянущаяся, от неё Мика и отрезал две длинные полоски; из прочной кожи озёрного змея он вырезал квадрат, сделав из него мешочек. Мика прикрепил его к тетиве, чтобы загружать туда

камни и осколки, которыми можно будет стрелять.

Закатав рукава до локтя и высунув кончик языка, Мика медленно и старательно сшивал, привязывал и приделывал всё на свои места. Наконец, он поднял рогатку перед собой.

Выглядела она внушительно, и Мика едва сдерживался, чтобы не опробовать её прямо здесь и сейчас. Но нужно было ещё кое-что доработать. Мика потянулся к деревянной катушке с кишечной нитью, лежавшей рядом с ним на матрасе.

Отмерив и отрезав четыре одинаковых куска нити, Мика вспомнил, как Илай выторговывал её в логове Менял. Теперь казалось, что с тех пор прошло сто лет.

Тогда был сезон дождей, а не зима, и они с Илаем были едва знакомы. Скалолаз держал себя отстранённо и замкнуто, и временами Мике казалось, что Илай вот-вот уйдёт и бросит его одного выживать в Высокой стране.

Но скалолаз не ушёл, и Мика был ему за это глубоко признателен. Он знал, что не смог бы выжить один: Змеиная пустошь была суровой и беспощадной дикой местностью, совершенно не похожей на равнины, которые он оставил. Покорять пустошь устремлялись отчаянные искатели приключений – кто охотиться и ловить змеев, кто воровать и обманывать; но все – чтобы тянуть последние соки из земли, которая раньше принадлежала одному лишь змеиному роду. Три сезона тому назад Мика отправился в трудное путешествие в Высокую страну, захваченный причудливыми мечтаниями о богатствах. В погоне за ними он неминуемо погиб бы, не

возьми его Илай Винтер под своё крыло. С тех пор, как они начали свой путь бок о бок, Мика стал намного лучше понимать скалолаза. Теперь он угадывал, когда можно говорить, а когда, наоборот, стоит оставить тишину между ними нетронутой; он присматривался и учился уважению к жизненному укладу в суровой пустоши. Совсем как Илай.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.